

К ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ЭКСПЛИКАЦИИ СМЫСЛА ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Приступая к рассмотрению обозначенной в заглавии данной статьи проблемы, автор исходит из следующих принципиальных предпосылок:

1. Предложение обладает двойным модусом бытия – как языковой знак (предложение-модель) и как речевое высказывание в форме этого знака (предложение-высказывание);
2. Предложение в первом из указанных статусов является результатом мыслительных операций, называемых первичным семиозисом и ведущих к конструированию предложения как единства структурного и семантического планов. Предложение во втором статусе является результатом мыслительного процесса, называемого вторичным семиозисом, и представляет собой контекстно и ситуационно обусловленный сегмент речи, генерируемый с целью передачи смысла в ходе коммуникативного акта;
3. Значение полагается свойством предложения в языке, а смысл - свойством предложения в речи;
4. Смысл подразделяется на узуальный иokkaзиональный, при этом первый принципиально обозрим, конечен и исчислим, а второй, будучи выводим из каждого конкретного (уникального и неповторимого) акта речи, носит необозримый характер и исчислению и каталогизации не поддается.

Таким образом, значение и смысл нетождественны, хотя и тесно связаны.

Как отмечает Г.Г. Почепцов, типовые переходы от значения к смыслу (в его терминологии – от содержания к сообщению) должны иметь место, ибо без подобных регулярностей понимание было бы невозможным. Дистинкцию «содержание – сообщение» Почепцов рассматривает в рамках более широкого противопоставления «язык – речь», при этом данная дистинкция отнюдь не носит взаимоисключающего характера: содержание присутствует в речевой реализации, но при этом включается в иерархически более высокую структуру–сообщение [Почепцов 1987: 14-15].

Вообще говоря, проблему выведения смысла во внешний план можно рассматривать в рамках более общей проблемы соотношения языка и речи и в тесной связи с коррелятивной проблемой интерпретации всех тех фактов речи, которые не обусловлены пропозициональным содержанием высказывания. Такого рода исследования уже проведены на материале разных языков с фокусировкой на различных аспектах проблемы. Их общий обзор (по необходимости краткий) мог бы выглядеть следующим образом.

Одним из первых обратил внимание на необходимость прагматической, как сказали бы сейчас, интерпретации элементов высказывания, не обусловленных его пропозициональной структурой, Г. Киршнер. На материале английского языка он попытался каталогизировать эти элементы, дав им название «Gradadverbien» [Kirshner 1955]. В 1957 году появляется работа Р.О. Якобсона, в которой автор описывает природу языковых элементов, называемых им «шифтерами» («shifters»), т.е. таких, которые обеспечивают, по сути, адаптацию пропозиционального содержания предложения к речевой ситуации его использования [Jakobson 1957]. Основываясь на идее Киршнера, Д. Болинджер публикует в 1972 году объёмный труд, содержащий описание и классификацию так называемых «слов степени» («degree words») во вводной части которого излагаются некоторые принципиальные взгляды автора на природу языка. По убеждению Болинджера, привычный взгляд, представляющий язык как нечто стабильное, структурно упорядоченное и сводимое к правилам, не соответствует языковой реальности. Согласно другой точке зрения, которую разделяет учёный, язык находится в постоянном конфликте со структурой, а фактически с самим собой. Противоядием от неколебимой уверенности в строгой системности языка и являются слова со значением степени признака (вышеупомянутые «degree words»), факт существования которых свидетельствует о том, что, хотя язык и является системой, но такой, которая борется за существование и вынуждена модифицироваться каждую минуту [Bolinger 1972: 18-19].

Примерно в одно время с появлением книги Болинджера выходит в свет и работа А. Вежбицкой (1971 год), чьё внимание привлёк феномен метатекста. Вежбицкая заметила, что высказывание о

предмете может быть переплетено нитями высказываний о самом высказывании. Эти нити «сшивают» текст в тесно спаянное целое, обеспечивая высокую степень его связности, являясь для него в то же время своего рода «инородным телом». Будучи извлечёнными из текста и заданными отдельным списком, сами по себе элементы метатекста не несут никакой информации о текстовых референтах (примеры метатекста: *В этом разделе я буду говорить о..., потом перейду к..., в заключение я представлю..., до сих пор я говорил о..., затем я займусь..., сейчас я разберу..., подытожим предыдущие рассуждения..., пора сформулировать выводы...* и т.п.). Зачем же они в таком случае нужны? При ответе на этот вопрос Вежицкая исходит из сочувственно цитируемого ею высказывания М.М. Бахтина о принципиальной диалогичности всякой речи. В сущности, это означает, что автор всякого монологического высказывания обязан учитывать фактор адресата, «помогая» ему усвоить содержание речи оптимальным образом: разбить монолог на тематические единства, отделить главное от второстепенного, уяснить общую последовательность изложения и т.д. [Вежицкая 1978]. Эти пронизательные наблюдения Вежицкой послужили стимулом к появлению многих исследований, посвящённых формам экспликации фактора адресата речевого высказывания.

Так, одной из таких форм Т.В. Шмелёва считает русские модальные элементы *конечно*, *разумеется*, *естественно*. Анализируя два микроконтекста употребления слова *конечно* – диалогический и монологический – она приходит к выводу о том, что в диалоге *конечно* подтверждает высказанное адресатом в виде вопроса предположение; в монологе же отправитель сообщения как бы предвосхищает такого рода реакцию получателя сообщения и поступает аналогичным образом: подтверждает не высказанное, но естественное (по его, автора, мнению) предположение адресата. «Иначе говоря, – пишет Шмелёва, – модусную семантику *конечно* можно эксплицировать следующим образом: «вы предположили / можете предположить Р, и я подтверждаю правильность вашего предположения», отсюда и различие в употреблении: в диалоге предположение адресата реальное, в монологе – воображаемое» [Шмелёва 1995: 150].

И.В. Труфанова, исследуя средства экспликации в русском языке образа слушающего, относит к ним следующую: членение текста на абзацы, на главы, на параграфы и т.п., озаглавливание данных разделов, обозначение темы сообщения не только в заглавиях, но и с помощью именительного представления; членение высказывания на данное и новое; вводные слова, подчёркивающие главное и «к слову» сказанное в сообщении, порядок изложения мысли, жанр, итоги и выводы из сказанного и т.д.; деепричастия, частицы, пояснительные союзы и прочие метатекстовые показатели правил речевого поведения, эксплицитное выражение речевых действий и речевых намерений говорящего в главных предикативных частях сложноподчинённых изъяснительных предложений и т.п. Короче говоря, в перечень включаются все те языковые средства, которые служат облегчению восприятия информации слушающим и адекватной интерпретации им речевых действий и намерений говорящего [Труфанова 1997: 98]. Автор даёт лингвистический анализ и некоторых конкретных способов выявления фактора адресата речи. Так, указывается, что в содержании существительных с диминутивами выявляется компонент «слушающий». Примеры типа *Взвесьте колбаски*, как указывает Труфанова, трактуются то как средства, выражающие заискивание говорящего перед слушающим, то как знак положительных эмоций к слушающему. Вводное слово *видите ли* трактуется как обозначающее, что слушающему навязывается мысль о его согласии с общим мнением под видом нежелания говорящего показаться категоричным. Любопытно, что слово *конечно* интерпретируется по-иному, чем в трактовке Т.В. Шмелёвой: это модальное слово обозначает, по мнению Труфановой, что имеется общее мнение, которое разделяет слушающий и от которого говорящий в различных ситуациях в разной степени отстраняется [Труфанова 1997: 101]. Нам представляется, что возможность различных трактовок одних и тех же формантов не должна смущать исследователя языка: очевидно, на различные интерпретации одних и тех же экспликаторов образа слушающего (как в случае с *конечно*) наталкивает анализ разного в количественном и в качественном отношении речевого материала. Принципиальной для нас остаётся возможность выделения у них узуального смысла.

Фактор адресованности речи комментируется и в работе А.Е. Кибрика и Е.А. Богдановой на примере лексемы *сам*, которая причисляется к так называемым дискурсивным лексическим элементам, т.е. таким, семантика которых не поддаётся эксплицитному толкованию обычными средствами. Причину «неуловимости» их значений авторы видят в том, что они имеют функциональную природу: «Эти элементы участвуют не столько в построении денотативного слоя смысла высказывания, сколько в «привязывании» этого смысла к ситуации акта речи. Многие из этих элементов являются сигналами, облегчающими адресату речи правильное согласование смысла

текущего высказывания с имеющимися у него знаниями или перестройку активированных знаний в соответствии с информацией, содержащейся в текущем высказывании» [Кибрик, Богданова 1995: 28]. В результате проведённого анализа авторы приходят к следующему выводу относительно лексемы *сам*: все её базовые значения относятся к одной и той же дискурсивной задаче говорящего, которая заключается в фокусировании внимания слушающего на том, что говорящий знает, что информация об X-е в текущем сообщении противоречит ожиданиям (знаниям) адресата и что в знания об X-е необходимо внести соответствующее исправление [Кибрик, Богданова 1995: 35]. Таким образом, *сам* позволительно трактовать как своего рода оператор – оператор коррекции ожиданий адресата речевого сообщения.

Описанные выше исследования нацелены на выявление средств языковой экспликации фактора адресата речи. Существуют и работы, направленные на анализ «средств обнаружения» автора речи. Так, А.Н. Баранов, В.А. Плунгян и Е.В. Рахилина, исследуя дискурсивные слова русского языка, определяют их как такие, которые, с одной стороны, обеспечивают связность текста, а с другой стороны, самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, позицию говорящего: то, как говорящий интерпретирует факты, о которых он сообщает слушающему, как он оценивает их с точки зрения степени важности, правдоподобности, вероятности и т.п. Именно такие единицы, как отмечают авторы, управляют процессом коммуникации, выражая истинностные и этические оценки, пресуппозиции, мнения субъектов речи. При этом, что очень важно, дискурсивная лексика поддаётся типологизации, т.е. удаётся выделить те инвариантные значения, которые оказываются общими для групп таких слов. Рассматриваются группы таких слов, объединённые общей семантикой: 1) Группа единиц, связанных с идеей «неполноты» (*едва, еле, с трудом, чуть, немного, почти*); 2) Группа единиц, связанных с идеей «реальности» (*действительно, в самом деле, на самом деле, в действительности*); 3) Группа единиц, связанных с идеей «обобщения» (*вообще, в общем, в целом, в принципе*); 4) Группа единиц, связанных с идеей «полноты» (*вовсе, совсем*); 5) Группа единиц, связанных с идеей «минимизации» (*прямо, просто*). Одним из наиболее теоретически интересных выводов, который делают учёные относительно этих дискурсивных единиц, является, с нашей точки зрения, положение о том, что их значения, по сути, процедурны: такого рода служебная лексика, с одной стороны, регулирует распределение семантической информации внутри плана содержания, а также определяет последовательность прочтения речевого высказывания адресатом. «Таким образом, значения дискурсивных единиц оказывается более естественно рассматривать как комплекс операций (процедур) над планом содержания высказывания/текста» [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993: 7-10].

Анализу языковых средств экспликации фактора субъекта речи посвящается и сборник [Subjectivity and subjectivisation 1995], авторы которого исследуют роль отдельных речевых сегментов не с формально-грамматических, а с функционально-прагматических позиций. Так, в статье Э. Трауготт делается попытка функционального переосмысления конструкции *I think* и некоторых английских наречий. *I think*, по её мнению, стремительно приобретает статус дискурсивной частицы. Эта конструкция в настоящий момент претерпевает процесс перехода от статуса главного предложения, когда местоимение первого лица выбирается из числа возможных субъектных аргументов предиката *think*, к статусу парентетической конструкции с большей позиционной свободой, и далее к фиксированной фразе, индицирующей эпистемическое отношение говорящего. Субъект в *I think* теряет референциальные (объективные) свойства и становится просто начальным пунктом коммуникативной перспективы. Что касается так называемых наречий установки («*stance adverbs*») типа *actually, generally, loosely, really, strictly*, то они, как показано в работе, проявляют признаки схожего развития - от наречий образа действия до элементов, кодирующих суждение говорящего относительно степени и условий истинности и модальных наречий, которые могут действовать преимущественно с целью информировать и убедить слушающего в характере и степени важности оценки говорящим высказывания. Сходным образом, модификаторы степени типа *very (truly), pretty, awfully* и с недавних пор *virtually* претерпели сдвиг от наречий образа действия к частицам, индицирующим оценку со стороны говорящего нормативной отнесённости избранной лексической единицы [Traugott 1995].

Сказанное позволяет сделать два важных обобщения. Первое заключается в том, что для осуществления вторичного семиозиса язык развил определённую систему средств. Уже в рамках теории речевых актов эти средства подвергаются осмыслению и получают терминологические обозначения. Например, Д. Вундерлих, В. Мотш и М. Бирвиш называют их «средствами индикации иллокутивной силы» («*illocutionary force indicating devices*»). Бирвиш описывает их как элементы,

которые более или менее напрямую предопределяют иллокутивную силу речевого акта, в котором они используются. По Бирвишу они могут быть двух разных видов, которые требуют принципиально различного анализа. Первый тип составляют эксплицитные перформативные формулы типа *I promise you to* или *I request that* в следующих примерах:

- a) *I promise you to be there before you.*
- b) *I request that you come in the evening.*

Второй тип представлен преимущественно грамматической категорией наклонения, т.е. средствами, характеризующими типы предложений как повелительные или вопросительные, например,

- a) *Could you come in the evening?*
- b) *Come in the evening* [Bierwisch 1980: 1].

Мотш считает, что описание значения средств индикации иллокутивной силы совсем необязательно будет идентичным описанию речевых актов, тем не менее, по его мнению, вся теория предполагает тесную взаимосвязь между лингвистическим анализом и анализом условий речевого взаимодействия [Motsch 1980: 156]. Другие авторы, более склонные к выявлению смысловой релевантности рассматриваемых средств, используют для их обозначения термин «оператор», например, А.Е. Кибрик и Е.А. Богданова (см. выше).

Второе обобщение касается того, что рассматриваемые средства носят идиоэтнический характер, варьируя от языка к языку, что, разумеется не исключает зон их совпадения в разных языках. Так, Вундерлих отмечает, что для такого языка как немецкий можно выделить, по крайней мере, следующие классы лингвистических средств, которые служат индикации типа данного речевого акта: а) грамматическая категория наклонения, б) эксплицитные перформативные формулы, в) референция к другому речевому акту в данном отрезке текста, г) выражение ментального состояния, связанного с данным речевым актом, д) имплицитная контекстная реализация [Wunderlich 1980: 299].

Мы склонны рассматривать в рамках развиваемой в настоящей работе теории вторичного семиозиса в качестве смыслопорождающих операторов все те элементы языковой системы, которые служат экспликации смысла высказывания. При этом их можно классифицировать по разным основаниям. Одним из критериев разбиения на группы является признак специализированности на выполнении смыслопорождающей функции, по которому их можно поделить на узуальные и окказиональные. К числу узуальных следует отнести, например, дискурсивную лексику и метатекстовые форманты. В качестве окказиональных операторов могут употребляться практически любые элементы языковой системы, выполняющие в данном высказывании помимо конструктивно-языковой (первичносемиотической) функции функцию генерирования смысла (вторичносемиотическую). К числу окказиональных операторов в русском языке можно, например, отнести глагольную форму будущего времени, употребляемую в специфических синтаксических конструкциях и при соответствующем интонационном оформлении и эксплицирующую узуальный смысл «угроза»: *Ты у меня погуляешь по ночам! Он у Кати будет шляться по улицам!* [Перцов 1998: 8]. Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко и М.Ю. Сидорова, рассматривая употребление инфинитива глаголов несовершенного вида с частицей *только* или *всё* в условиях особого регистра речи, называемого ими информативным, отмечают, что он выражает оценочную характеристику субъекта: «при этом желание приписывается субъекту действия, а говорящий с внешней точки зрения даёт отрицательную оценку поведения, образа жизни этого субъекта; см., например: *Ему только бы спать; Ей только бы есть*» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 317]. Нельзя сказать, что глагольная форма будущего времени в русском языке специализирована на выражении смысла «угроза», а глагольная форма инфинитива – на выражении смысла «осуждения, неодобрения», но в особых контекстных и ситуационных условиях эти формы способны реализовывать именно эти смыслы. Вот почему формы будущего времени и инфинитива следует считать окказиональными смыслопорождающими операторами.

Согласно другому классификационному признаку смыслопорождающие операторы можно разбить на собственно лингвистические и паралингвистические. Под последними будем понимать вслед за Р.К. Потаповой [Потапова 1998] не мимику и жестикуляцию (их можно отнести к сфере экстралингвистики), а различные произносительные, прежде всего интонационные, средства. Следует отметить, что уже в рамках теории речевых актов фактор интонации рассматривался в качестве одного из релевантных. Так, значение (а, по сути иллокутивная сила) предложения, структурированного как императивное, зависит, как указывает А. Вежбицкая, от интонации его произнесения: «*Приходи!*, сказанное с интонацией мольбы, означает то же самое, что *Я умоляю тебя*

прийти; Приходи!, сказанное с интонацией приказа, означает то же самое, что *Я приказываю тебе прийти; Приходи!*, сказанное с интонацией совета, означает то же самое, что *Я советую тебе прийти* и т.д.» [Вежбицка 1985: 256]. Дж. Лакофф приводит следующие свидетельства релевантности фонетического критерия при моделировании смысловой стороны высказывания: «Р. Лакофф обнаружила, что в американском варианте английского языка (по крайней мере во многих его диалектах) имеется правило саркастической назализации, по которому всё предложение целиком или та его часть, которая употребляется в саркастическом смысле, подвергается назализации. Таким образом, если *Harry is a real genius*, ‘Гарри – настоящий гений’ или его саркастическая часть – *real genius* ‘настоящий гений’ – назализуется, это предложение может иметь только саркастическое истолкование. Правило назализации, как представляется, действует при некотором трансдеривационном условии, сводящем фактически выражаемое значение к диаметральной противоположности буквального значения того же предложения» [Лакофф 1985: 464].

Об этом же пишет и А. Катлер, анализирующая смысловые транспозиции высказывания с точки зрения процесса его понимания, как комплиментарного процессу его порождения. С её точки зрения, понимание предложения происходит в три этапа – определение границ слов, определение лексических значений и перцепция синтаксической структуры, или синтаксический анализ. Однако, Катлер полагает, что этих трёх стадий недостаточно для окончательной характеристики процесса понимания предложения. Рассматривая в качестве примера предложение *Cassandra is a real genius*, автор отмечает, что оно может быть произнесено с интонацией почтения и восхищения, при этом оно будет похвалой Кассандре. Но оно также может быть произнесено в совершенно другой манере – с интонационным контуром, который известен как ироничный... В этом случае такое предложение выражает далеко не похвалу Кассандре, но как раз наоборот. Ироническая интонация, справедливо отмечает Катлер, несёт значение, совершенно противоположное буквальному; и слушатель, без сомнения, сможет воспринять именно это значение, а не буквальное значение высказывания; он поймёт, что говорящий хотел ему сообщить, что Кассандра является кем угодно, но не гением. Трудно представить, как этот факт, касающийся понимания предложения, вписывается в модель, которая включает только операции по идентификации слов, определению лексических значений и синтаксический анализ [Cutler 1976: 133-134].

Собственно лингвистические смыслопорождающие операторы можно подразделить на лексические, морфологические, синтаксические и артиклевые. При этом следует со всей определённостью ещё раз подчеркнуть следующие три момента. Первое. Каждый язык обладает собственным репертуаром средств экспликации смысла; возможность существования схожих смысловых операторов в разных и даже многих языках не отменяет общего принципа их идиозтичности. Второе. Выделимости и таксономизации поддаются лишь узуальные смыслы как принципиально обозримые и «закодированные» в определённые ячейки языковой системы (ср., например, высказывание Н.А. Кобриной о том, что механизм операции шифтирования гарантирован сеткой отношений внутри языковой системы [Кобрина 1998: 12]). Третье. Смысл речевого высказывания не обязательно должен входить в конфликт или хотя бы просто отличаться от кодифицированного значения предложения как языкового знака; частные случаи совпадения значения и смысла не исключаются. Чаше, однако, мы имеем дело со случаями, когда смысл и значение не совпадают – речевое высказывание изменяет, дополняет, уточняет, модифицирует пропозициональное содержание предложения, в форме которого оно (высказывание) осуществляется. Факт осмысления в высказывании значения предложения для нас принципиально важен, ведь как справедливо указывает А. Катлер, даже при наличии иронической интонации в высказывании (которая, как было показано выше, отрицает пропозицию, каузируемую буквальным прочтением предложения) отрицание пропозиции не может быть понято без понимания самой пропозиции. Другими словами, успешное понимание иронического высказывания обусловлено успешным пониманием буквального значения предложения [Cutler 1976: 143].

Дальнейшие перспективы исследования связаны с выявлением реестра смыслопорождающих операторов исходя из возможности регистрации и таксономизации узуальных смыслов, то есть в рамках «первого шага перехода» [Почепцов 1987: 19] от значения к смыслу. Последующие «шаги» привели бы нас к зыбкой и практически нетипологизируемой средствами современных лингвистических методик области окказиональных смыслов, или семиоимпликационных значений [Никитин 1997]. Сказав это, мы считаем, однако, что область окказиональных смыслов вовсе не является принципиально закрытой для исследователя. Возможно, в дальнейшем будут предложены адекватные аналитические процедуры и инструментарий для научных разысканий именно в этой

области, и именно с ней будут связаны исследовательские перспективы в сфере вторичного семиозиса.

Литература

1. Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. – М., 1993.
2. Вежбицка А. Метатекст в тексте // НЗЛ. Вып. 8. Лингвистика текста. – М., 1978.
3. Вежбицка А. Речевые акты // НЗЛ. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М., 1985.
4. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика языка. – М., 1998.
5. Кибрик А.Е., Богданова Е.А. САМ как оператор коррекции ожиданий адресата // Вопр. языкознания. – 1995. – №3.
6. Кобрин Н.А. Механизмы речепорождения и восприятия текста в рамках когнитивной лингвистики (перспективы изучения) // Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития. 1 часть: Материалы Первой международной школы-семинара по когнитивной лингвистике, 26-30 мая 1998. – Тамбов, 1998.
7. Лакофф Дж. Прагматика в естественной логике // НЗЛ. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М., 1985.
8. Никитин М.В. Предел семиотики // Вопр. языкознания. – 1997. – № 1.
9. Перцов Н.В. К проблеме инварианта грамматического значения. I. (Глагольное время в русском языке) // Вопр. языкознания. – 1998. – № 1.
10. Потапова Р.К. Коннотативная паралингвистика: Монография. – М., 1998.
11. Почепцов Г.Г. /мл./ Коммуникативные аспекты семантики: Моногр. – Киев, 1987.
12. Труфанова И.В. Образ слушающего в языке // Филол. науки. – 1997. – № 2.
13. Шмельёва Т.В. Диалогичность модуса // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1995. – № 5.
14. Bierwisch M. Semantic Structure and Illocutionary Force // Speech Act Theory and Pragmatics. – Dordrecht, etc., 1980.
15. Bolinger D. Degree Words. – The Hague – Paris, 1972.
16. Cutler A. Beyond parsing and lexical look up: an enriched description of auditory sentence comprehension // New approaches to Language Mechanisms: A Collection of Psycholinguistic Studies. – Amsterdam, etc., 1976.
17. Jakobson R. Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb. – Russian Language Project. – Department of Slavic Languages and Literatures, Harvard University, 1957.
18. Kirchner G. Gradadverbien. Restriktiva und Verwandtes im heutigen Englisch (britisch und amerikanisch). – Halle (Saale), 1955.
19. Motsch W. Situational Context and Illocutionary Force // Speech Act Theory and Pragmatics. – Dordrecht, etc., 1980.
20. Subjectivity and subjectivisation. Linguistic perspectives. – Cambridge, 1995.
21. Traugott E.C. Subjectification in grammaticalisation // Subjectivity and subjectivisation. Linguistic perspectives. – Cambridge, 1995.
22. Wunderlich D. Methodological Remarks on Speech Act Theory // Speech Act Theory and Pragmatics. – Dordrecht, etc., 1980.